

Император Мануил I Комнин
Миниатюра XII в.

С. И. Лиман

В ОБЪЯТИЯХ ПЫЛАЮЩИХ ГРАНИЦ: МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XII ВЕКА

Но года не проходило без того, чтобы он не принес с собою общественного бедствия, как будто Бог определил нашим современникам видеть постоянную смену беспокойных дней.

Никита Хониат. История

Международные отношения на Балканах были традиционно острыми во все времена, особенно в эпоху Средневековья с её ровесницей Византийской империей. Эти отношения попеременно дышали жаром «греческого огня» и теплом православных молитв, дурманом сладких вин и приступами отвратительного коварства. Византия приручала и просвещала, мстила и строила, дарила волшебство азбуки и колдовство интриг, величие высоких храмов и забвение глубоких могил, одевала в шелка богатства и лохмотья нищеты, ослепляла то невиданной роскошью, то медной пластиной палача. А соседние народы то рвали insultами войны извилины её границ, то почтительно склоняли тяжёлые от доспехов спины к сияющим в золоте бизантам и благоухающим алтарям.

То, что произошло в подсистеме международных отношений на Балканах в последней трети XII в. кардинально изменило расстановку политических сил в регионе. Это был один из самых острых и драматических периодов в истории не только Балкан, но и всей Европы. Византийская империя, которая несокрушимым христианским бастионом стояла на страже в месте соединения двух континентов и попеременно то помогала, то вредила крестоносцам, делавшим в Святой Земле, по сути, её работу, оказалась на исходе столетия в сложнейшем, но небезнадёжном положении, которым, по всем законам исторического жанра, были обречены воспользоваться внешние силы. В рамках предлагаемого доклада нам предстоит рассмотреть, поче-

му за тридцать с лишним лет до истечения двенадцатого века стала другой не только карта Балканского полуострова, но и народы, объединённые ранее силой византийского оружия, и что делали (или не делали) балканские правители и царедворцы, чтобы раскрасить эту карту в разные цвета.

1. Без двадцати двенадцать...

Последняя треть XII века – время, когда Ромейская империя медленно и мучительно пятилась от прежних своих широких границ, застывших, как железо после жаркой работы кузнеца, благодаря первым двум крестовым походам. В шестидесятые годы двенадцатого столетия Византия вошла без итальянских владений, то есть, по сути, без всего того, чего и не было у неё на момент раздела двух империй в далёком 395 году. Да, к этому времени она потеряла Сирию и Палестину, Армению и Египет... Но это было гораздо раньше, задолго до отступления из Италии. И в новых условиях правители Константинополя должны были позаботиться не о преумножении (какое там?), а хотя бы о сохранении всего того, что осталось к шестидесятым теперь уже *в сплошном периметре* имперских границ. Тем более, что начало последней трети XII в. ознаменовалось их реальным расширением вблизи самого Константинополя – на Балканах.

Эти сплошные границы и эти шестидесятые застали на троне одного из последних представителей долгой эпохи Комнинов Мануила I (1143–1180).

Этот воинственный и образованный император, женатый сначала на немке Берте Зульцбахской, а затем на франкоязычной Марии Антиохийской не только симпатизировал Западу, но и реально помогал ему мечом, золотом, словом. Разумеется, помогая Западу, Мануил I, прежде всего, помогал себе, своим планам, своим амбициям и мечтал о расширении границ империи, увеличении числа её подданных, а, следовательно, и доходов византийской казны. Ради этих доходов он сделал свою империю более доступной западным, прежде всего итальянским купцам¹, а свою армию – более открытой западным рыцарям. В итоге византийский рынок, как и войско, наводнили иностранцы, а латинское население Константинополя росло также быстро, как его богатства и влияние в чужой стране. Наряду с иностранцами, дорвавшимися до привилегий и власти, обогащалась доморощенная византийская знать, росла коррупция, задыхались от растущих налогов города, а массы свободных крестьян становились зависимыми париками.

¹ Ш. Диль справедливо считал, что Мануил «сначала усиленно искал союза с Венецией против норманнов и платил за него широкими уступками».

Трудно поэтому согласиться с тем, кого называли «Царским грамматиком» – с секретарём Мануила I, воином и историком Иоанном Киннамом, который уже после смерти своего императора и покровителя написал во второй книге «Краткого обозрения царствования Иоанна и Мануила Комнинов» следующее: «Царь же Мануил, приняв скипетр, хотя был еще в раннем юношеском возрасте и едва начинал обрастать бородой, однако же не устранился бремени правления *и не сделал ничего, не достойного своей власти*» (*курсив наш* – С. Л.). Вторя ему, некоторые современные византинисты, например, Ж.-К. Шейне, видят в правлении Мануила «последний расцвет», после которого начался упадок Империи.

Возразим: провалов, в том числе во внешней политике, у Мануила было предостаточно. Казалось, он воевал везде: в Италии и в Малой Азии, в Хорватии и Македонии, на Кипре и в Египте. Нельзя отрицать – совсем нередко его знамёна раздували упрямые ветра удачи и славы. Например, в 1167 г. под крепостью Землин в округе Сирмиум Византией была достигнута «блестящая», по выражению Джона Хэлдона, победа над венграми, благодаря чему Мануил включил в состав своей империи Далмацию, Боснию и Срем.

Такое начало последней трети двенадцатого века, казалось, сулило Византии стабильность, спокойствие и успех. Но если венгерский король Бела III, страдая синдромом Сирмиума, так и не решился при жизни Мануила осыпать его салютом из венгерских стрел, то на других театрах войны ромеи обильно умылись не столько чужой, сколько своей кровью. После поражения от норманнов при Бриндизи в 1158 г. Мануил навсегда потерял Южную Италию, хотя и готов был перед этим оплатить церковной унией союз с Римским папой. Субсидии Мануила североитальянским коммунам в их борьбе против Фридриха I Барбароссы лишь разоряли византийскую казну. Бесславными оказались и две попытки Мануила овладеть Египтом в союзе с королём Амори I Иерусалимским (1169, 1177 гг.). Это были, по сути, семейные дела: ведь Мануил женился на двоюродной сестре Иерусалимского короля Марии Антиохийской, отдав за него свою внучатую племянницу Марию Комнину. Обмен Мариями не помог общей стратегии, а византийский флот погиб от бури на пути из Египта в Константинополь. И это при всём том, что явно не в пользу Византии закончился Венецианский конгресс 1177 г., на котором примирились две влиятельнейшие политические силы Запада – Римский папа Александр III и германский император Фридрих I Барбаросса. Запад сплачивал свои силы, в то время как Византия, выражаясь словами Ф. И. Успенского, «оставалась в стороне во время этих переговоров, наносивших последний и решительный удар её притязаниям в Италии и соединивших против неё всех её врагов».

Летопись своих неудач Мануил I продолжил в Малой Азии. Карта даёт нам представление о том, насколько уязвимыми были здесь позиции ромеев: Византия владела прибрежными территориями региона на севере, западе и юге полуострова, а всю внутреннюю континентальную его часть занимал сельджукский султан Кылыч-Арслан II. Но несмотря на свой порядковый номер в войне с Византией Второму удалось стать Первым: в сентябре 1176 г. сельджуки разгромили ромеев в битве при Мириокефале¹. Мануил, находившийся при войске, наверняка слышал как ветер, гулявший в скалах забрызганного кровью ущелья, зловеще выводил страшное для греков слово «Манцикерт»². Век спустя манцикертский разгром повторился почти в тех же широтах. Мануил был унижен, а с ним и его империя. Хотя как раз на этом направлении ромеи и сельджуки ещё много лет с переменным успехом вредили флоре и радовали фауну: топтали травы, но подчевали вороньё.

¹ Никита Хониат так описывает этот разгром: «Когда же [султан] увидел, что его мирные предложения не имеют успеха и что царь даже хвалится тем, что будет отвечать ему в Икони, то поспешил занять теснины, которые называются Иврицкими дефилеями и через которые должны были проходить римляне по выходе из Мириокефала, и скрытно поставил здесь свои фаланги с тем, чтобы они напали на римлян, как скоро те будут проходить. Это место есть продолговатая долина, идущая между высоких гор, которая на северной стороне мало-помалу понижается в виде холмов и перерезана широкими ущельями, а на другой стороне замыкается обрывистыми скалами и вся усеяна отдельными крутыми возвышениями. Намереваясь идти такой дорогой, царь заранее не позаботился ни о чем, что могло бы облегчить для войска трудность пути: не освободился от большого обоза, не оставил в стороне повозки, на которых везлись стенобитные машины, и не попытался с легким отрядом выгнать наперед персов из этих обширных горных теснин и таким образом очистить для войска проход. Напротив, как шел он по равнинам, так вздумал пройти и этими теснинами, хотя перед этим слышал, а спустя немного и собственными глазами удостоверился, что варвары, заняв вершины гор, решились опорожнить все колчаны, выпустить все стрелы и употребить все средства, чтобы остановить римлян и не дозволить им идти вперед <...> Когда войска вступили на трудную дорогу, полки сыновей Ангела, Макродуки и Лапарды прошли благополучно, потому что пехота, бросившись вперед, опрокинула варваров, которые сражались, стоя на холмах, идущих от горы, и, обратив их в бегство, отбросила назад в гору. Быть может, и следующие за ними войска прошли бы невредимо мимо персидских засад, если бы римляне, тесно сомкнувшись, тотчас же последовали за идущими впереди войсками, несколько не отделяясь от них и посредством стрельцов отражая нападения налегающих на них персов. Но они не позаботились о неразрывной взаимной связи, а между тем персы, спустившись с высоты вниз и с холмов в долины, большой массой напали на них, отважно вступили с ними в бой и, разорвав их ряды, обратили в бегство войско Балдуина, многих ранили и немало убили. <...> Лощины загромодились трупами, и рощи наполнились телами павших. С шумом текли ручьи крови. Кровь мешалась с кровью, кровь людей – с кровью животных. Ужасны и выше всякого описания бедствия, постигшие здесь римлян. Нельзя было ни идти вперед, ни возвратиться назад, потому что персы были и позади, и заграждали путь спереди. Оттого римляне, как стада овец в стойлах, были убиваемы в этих теснинах».

² В 1071 г. при Манцикерте в Малой Азии турки-сельджуки разгромили и взяли в плен византийского императора Романа IV Диогена.

К сентябрю 1180 год, когда Мануил уже с часу на час готов был предстать перед Творцом под новым монашеским именем Матфей, новые имена обрели и многие прежние земли. Часть земель (на Балканах) Мануил приобрёл, другую часть (в Италии, Малой Азии) утратил. Но подлинные, катастрофы империи ромеев были впереди: Мануил лишь гостеприимно открыл им двери¹.

Если Мануил I правил долгих 37 лет, то его сын Алексей II – всего три года (1180–1183 гг.). В свои 11 лет Алексей II ещё не отвык от игрушек, но игрушкой попытались сделать его самого². Поскольку при Мануиле в Византии значительно возросло влияние латинов и ромеев-западников, их партия, ведомая регентшей – вдовствующей царицей Марией Антиохийской, попыталась использовать все преимущества своего положения. Она всячески покровительствовала таким же иностранцам, как она сама, вызывая этим растущую ненависть греков. Траур по мужу и новый монашеский сан не мешал плотским утехам Марии – она спешила сбросить черный наряд, оставаясь наедине с протосевастом Алексеем Комнином, внуком императора Иоанна II Комнина. Тот, по словам Никиты Хониата, «совершенно овладел матерью царя-отрока, часто проводил с ней время и усилился больше всех других». Так что слёзы вдовы недолго орошали могилу мужа и не только потому, что до монастыря Пантократор на Афоне, где Мануила похоронили, был совсем неблизкий путь³. В объятиях любовника, с которым она сошлась ещё при жизни Мануила, картавая красавица охотнее говорила о них двоих, чем

¹ Ш. Диль ситал что «притягательное действие, которое оказывал на Мануила Комнина Запад, оказалось бедственным для империи».

² Никита Хониат об этом писал: «Так-то кончилась жизнь царя Мануила Комнина. После него начинает царствовать сын его Алексей, еще не вполне достигший юношеского возраста, но имевший еще нужду в дядьках и няньке. Поэтому дела римлян шли дурно и не так как должно, даже хуже, чем когда Фазтон, взойдя на отцовскую обложенную золотом колесницу, взялся пройти между небесными жезлами. Сам государь, по незрелости возраста и по недостатку благоразумия, не обращал никакого внимания на свои обязанности; занятый единственно пустыми удовольствиями и не совсем еще умевший отличать горе от радости, он забавлялся только травлями и конскими скачками, проводя время с молодыми товарищами своих игр и развивая в себе самые дурные привычки. А те, которые при отце были ему друзьями или находились в каком-нибудь родстве с ним, занятые другими делами, нисколько не заботились о том, чтобы дать ему возможно лучшее воспитание и образование, и не обращали никакого внимания на расстройство общественных дел». Как бы в отсутствие бдительного и строгого наставника, все пришло в беспорядок, потому что каждый преследовал свою цель и все друг другу противодействовали, или, как бы по отнятии прочного и твердого столпа, все пошатнулось в противоположную сторону».

³ Никита Хониат так описывал место захоронения Мануила: «Царь был погребен сбоку при входе в храм монастыря Пантократора, не в самом храме, но в Ирое, около него. Стена храма здесь выведена аркой, и около гробницы открывается широкий вход».

о делах государственного управления. А зря: их партии латинов и ромеев-западников чем дальше, тем активнее противостояла партия ромеев-патриотов. Благославляемая молитвами православных священников, недовольная засильем иностранцев в торговле, армии, во власти, представители этой партии считали гибельным и провальным путь Мануила на беспрецедентное сближение с Западом. А поскольку с его смертью регентша-«иностранка» не свернула с этого пути, а лишь ускорила движение в данном направлении, партия греков-патриотов озаботилась тем, чтобы оградить юного Алексея II не только от латинской тлетворщины, но и от угрозы его физического уничтожения. И народ, и перо Никиты Хониата приписывали протосевасту Алексею Комнину чёрные замыслы: «Алексей, сделавшись почти неразлучным и согласившись с матерью царя, привлекает к себе многих дружбой и деньгами, замышляет свергнуть царя с престола и рассчитывает сам сделаться обладателем как его царства, так и родительницы».

2. Тени и пламя порфир

Европа и Азия глазами своих купцов и тайных осведомителей зорко следили за всем происходящим в Римейской империи. Ненависть к латинам в Константинополе закипала, а её градус стал испытанием не только для нервов, но и для предусмотрительности иностранцев. В источниках мы не найдём указаний на их массовую эмиграцию; скорее, «франки» ожидали новых привилегий и думали не о тяготах путешествия на Родину, где их никто не ждал, а о комфорте и новых доходах в государстве, где всё, казалось, складывалось к их выгоде. Особенно прочными были позиции итальянцев. Они владели домами, кораблями, причалами, наконец, правом свободной торговли по всей империи¹. Им принадлежали самые богатые кварталы Пера и Галата.

В этих надеждах и ожиданиях наступил 1182 год. К этому времени реальной силой, способной противостоять латинам и ромеям-западникам, стал Андроник Комнин – двоюродный брат покойного Мануила I. Отношения двух братьев при жизни последнего не отличались взаимопониманием. Андроник, например, устроил два заговора на жизнь василевса и был единственным членом царственной фамилии, который выступил в 1168 г. против идеи Мануила сделать венгерского короля Белу III наследником византийского престола, женив его на своей дочери Марии Порфирородной. Это могло привести к включению Венгерского королевства в состав Ви-

¹ В 1171 г. этого права византийское правительство лишило венецианцев, но представители других итальянских государств сохранили свои привилегии.

зантийской империи. С тех пор Андроник был удалён из столицы – он был наместником и в Киликии, и в Пафлагонии.... И не только там.

Куда только не бросала Андроника царская опала, причудливая игра судьбы и собственный авантюризм! География покорялась ему, как женщины – казалось, на карте империи и сопредельных с ней территорий уже не осталось мест, которые бы он не пометил своим присутствием. То он командующий армией в мятежной Киликии, то он наместник в Сербии, то он агент венгерского двора, то гость-изгнанник в Галицком княжестве... Он и пленник сельджуков, он и узник царской тюрьмы, он и удачливый беглец, он и счастливый, прощённый царём мятежник. Руки Андроника были привычны к любому металлу – и к стали клинков, и к железу тюремных оков, и к золоту безантов : теперь этими руками он собирался рвать своих противников, как рвал цепи, расчищая дорогу к престолу.

Из Пафлагонии, что на севере Малой Азии, её наместник Андроник в 1182 г. двинулся на столицу. К этому времени уже второй год разгоралась, по выражению С. Б. Сорочана, «открытая ожесточённая борьба, в которую оказались втянутыми все слои византийского общества». Подгоняла Андроника и жажда мести за детей: его сыновья были арестованы за участие в заговоре против протосеаста Алексея Комнина. Дело партии «патриотов» не погребло: даже патриарх константинопольский Феодосий I Ворадиот открыто защищал заговорщиков и Марию Порфирородную, которая спасалась от ареста в храме Св. Софии, а на улицах Константинополя шумела разъяренная казнями и арестами толпа. Греки негодовали: латинские наёмники императора пошли на штурм православной святыни, грубо оскорбляя их религиозные чувства.

Огнём мятежа пылала уже не только столица и Малая Азия, но и другие регионы империи. Императорская армия, посланная против Андроника, была частично разбита им, а частично перешла на его сторону. Путь на Константинополь был открыт. Даже посланный для переговоров с Андроником будущий патриарх Георгий Ксифилин перешёл на его сторону. Сушил вёсла галер и знаменитый адмирал Андроник Контостефан: он не собирался выполнять приказы «франков» и жечь «греческим огнём» повстанческую рать тёмки.

А в мае 1182 г. произошла печально знаменитая резня латинов в Константинополе. Ксенофобия греков, оскорблённых богатством и властью иностранцев, вырвалась наружу и принялась жечь, колоть, кромсать иностранцев, в которых им давно уже виделся коллективный Дракон Зла. Погром был глух, слеп и беспощаден: убивали мужчин и женщин, младенцев и стариков. Генуэзцы и пизанцы, насколько могли, отвечали на убийства

убийствами — пылали, поэтому, не только итальянские, но и греческие кварталы, а разноязычные крики жертв оглашали не только столицу, но и её окрестности. В этой «Константинопольской бане» погиб даже папский легат. Точных данных жертв с обеих сторон никто и никогда не сосчитает, но известно, что до погрома в столице проживало до 60 тысяч латинов. При этом кроме убитых и изгнанников были ещё и пленные, 4 тысячи которых были проданы в рабство сельджукам. То, что данное событие резко осложнило международное положение Ромейской империи, традиционно признаётся ведущими зарубежными и отечественными византинистами, например М. Я. Сюзюмовым.

Латинский погром и перманентные мятежи создали политический вакуум, который своей атлетической фигурой и темпераментом решил заполнить Андроник Комнин. Он не спешил ворваться в столицу и долго вёл переговоры не только с ромеями Константинополя, но и с венецианцами, стараясь заручиться их поддержкой. В апреле 1183 г. он совершил триумфальный въезд в столицу, о которой давно мечтал. Именно с ним и его войском были связаны теперь надежды на стабильность и порядок.

Этот порядок Андроник стал устанавливать, ещё не успев покинуть седло коня. Город, жаждавший твёрдой руки, сразу почувствовал его железную хватку. Но «твёрдая рука» априори оказалась кровавой: начались аресты и казни аристократов, так радовавшие простой народ.

Да, погром латинов расчистил Андронику путь к власти. Слывший одновременно и защитником старых родных преданий, и мишенью ненависти западников — будь то по крови или убеждениям, — он оказался в нужное время, в нужном месте и стал регентом юного василевса Алексея II.

Но жажда власти Андроника недолго оставляла племянника-императора и его мать в списках живых: сначала Алексея II заставили подписать матери смертный приговор по обвинению в тайной переписке с Венгрией, которую она натравливала на Византию. Марию Антиохийскую задушили, а в сентябре 1183 г. Андроник, провозглашённый соправителем Алексея II, избавился и от него: юному василевсу накинута на шею тетива от лука.

И всё же переписка покойной Мари Антиохийской с венгерским королём не прошла бесследно: Бела III, который не осмеливался нарушать договорённости с Мануилом I, предпочёл забыть о них при двух новых царствованиях. К 1182 г. венгры отвоевали у Византии Далмацию и Хорватию, а в 1183 г. — Белград и часть сербских земель по правому берегу Дуная. *Берег за берег* : это был ответ Андронику за то, что тело убиенной Мари Антиохийской зарыли в песчаный пляж Пропонтиды.

3. Если Ангел – не ангел

Итак, Византия отступала, сдавая прежние кордоны, а Андроник упивался властью над подданными, возводя своё самовластие в культ. Если прибавить, что он, как сказали бы сейчас криминальные риторы, успел «в две ходки *червонец* отмотать», его тирания выглядела наказанием для всех тех, кто наслаждался свободой, пока он сидел. Царские тюрьмы, которые он познал, теперь были гостеприимно распахнуты для всякого ромея, не исключая его родню, но как раз попытка арестовать и препроводить в каземат двоюродного брата царя – Исаака Ангела – привела в 1185 г. к очередному дворцовому перевороту.

А было это так. Начальник царской охраны Стефан Агиохристовит, встревоженный больше самого Андроника предсказанием прорицателя Сефа о скором восшествии на престол человека с именем «Исаак» решил проявить инициативу и бросить в темницу Исаака Ангела. Но пока василевс находился на другом берегу Босфора в Большом (Святом) дворце и не мог оперативно повлиять на ситуацию, Исаак не только зарубил Стефана, но и сумел зажечь словами и действиями недовольную толпу. Эта толпа и патриарх, явно торопясь, быстро провозгласили его императором. В этом новом качестве Исаак II Ангел преодолел сопротивление варяжской гвардии, оборонявшей подступы к Большому дворцу. Взятый в плен Андроник¹ в цепях предстал перед победителем.

Фантазия нового василевса и его проиближённых превратила казнь Андроника в многодневную агонию: пленнику выбили зубы, вырвали бороду, отрубили правую руку, выкололи глаз. В перерыве между этими отвратительными сеансами членовредительства Андроника несколько дней держали в темнице без воды и еды и в конце концов, осыпаемого ударами палок и камней толпы, привезли верхом на паршивом верблюде на ипподром. Здесь его замучили до смерти, а труп разрубили на куски.

Эта расправа стала началом нового царствования Исаака II Ангела (1185–1195, 1203–1204 гг.), а изуверства василевса настойчиво доказывали; *Ангел – вовсе не ангел*, хотя новая династия правителей Ромейской империи стала называться именно так.

С. Б. Сорочан метко охарактеризовал время династии Ангелов следующим образом: «В зените славы и слабости». Да, не под силу было сразу ра-

¹ Андроник пытался бежать на корабле, но, как пишет Никита Хониат, «кажется, и море неготовало на Андроника за то, что он много раз осквернял лоно его трупам невинных: оно поднималось высокими волнами, расступалось безднами, сиюсья поглотить его, и несколько раз выбрасывало корабль на берег. Это помешало бедному Андронику переправиться до прибытия погони».

зорить царство, обильное богатствами, преумноженными политикой экономики Андроника, даже такому транжире, каковым был Исаак, но на этом поприще он старался вовсю. Расхищалась казна, а глаза подданных ослепляла подчёркнутая роскошь двора василевса. Правда, в первое время эти глаза народа находили результаты иной работы царя. Амнистия освободила многие казематы и привела в ромейскую армию массы добровольцев. «А это, – как писал Никита Хониат, – поправило и войну с итальянцами, которые занимали уже Фессалию и стояли под Амфиполем, дерзко порываясь на самый Константинополь и хвастаясь, что его легко осадить с моря и с суши и в самое непродолжительное время можно взять, как пустое гнездо, и разграбить без труда».

Внешнеполитический вызов Исаак II принял без промедления: его армия готова была освободить территории вокруг Фессалоники, захваченные сицилийскими норманнами во время смуты. Пять ромейских армий царь объединил в одну, а её командующий Алексей Врана добился победы. Норманны были разбиты в 1185 г. в трёх битвах у Мосинополя, Амфиполя и Димитрицы, а византийцы освободили Фессалоники. «Таким образом, сухопутная война получила такой счастливый исход, какого никому из нас и в голову никогда не приходило», – ликовал по этому поводу Никита Хониат.

Действительно, эта военная компания прошла для Исаака II Ангела довольно удачно, внушая надежды на будущие победы. Наверняка в эти победы больше других верил сам Исаак. Вряд ли личность с его представлениями о морали и допустимости некоторых средств борьбы с политическими противниками могла всерьёз опасаться скорого заговора против своей власти. С. Б. Дашков писал по этому поводу: «Исаак II Ангел был, в общем, человек образованный, но даже по византийским меркам начисто лишенный совести. Нарушить слово или организовать тайное убийство было для василевса делом вполне обычным». Нейтрализовав, как ему казалось, внутренних врагов, он рвался когтями к горлу врагов внешних.

Одним из таких внешних врагов был недавний соотечественник царя, его тёзка и родственник Исаак Комнин. В 1184 г. в условиях политического хаоса в Константинополе он по поддельным царским документам установил со своими наёмниками власть над Кипром, объявил себя деспотом, а затем в 1185 г. и императором острова. Кипр отпал! К радости одного Исаака и раздражению другого... Но Исаак II после победы над сицилийскими норманнами уже наверняка видел в своих царских снах кипрского мятежника поверженным и в оковах.

Однако византийский флот, посланный к берегам Кипра, был разбит. Не анекдот, а реальность, что один из византийских флотоводцев-навархов

Иоанн Контостефан был слишком старым для войны, а второй (Алессей Комнин) был слепой. Старческая немощь и слепота флотоводцев казались вызовом здравому смыслу! Но такова была царская воля, и флот поплыл, или, говоря на сленге матросов, *пошёл* по волнам трёх морей. Исаак Кипрский основательно подготовился к обороне. Его победа была достигнута благодаря сицилийским норманнам – король Сицилии Вильгельм II поддерживал самостоятельность Кипра из прагматических соображений, поскольку как мог, вредил Византии.

4. Маргарит и Маргарита

Победителем византийцев стал бывший пират, а затем и адмирал Маргарит из Бриндизи. Он воевал против ромеев ещё в предыдущей войне и, несмотря на поражение сухопутных войск норманнов в Фессалониках, сумел благополучно увести свой флот от города. Кипрский разгром наварха Иоанна Контостефана, эскадра которого насчитывала 70 кораблей, стал реваншем Маргарита.

Это имя наверняка много раз произносилось и проклиналось во Влахернском дворце Константинополя. Оно было созвучно с другим именем – именем Маргариты (Маргит) Венгерской – десятилетней дочери короля Белы III. По иронии судьбы в том же 1185 г. её выдали замуж за Исаака II Ангела. Бела III ненавидел Андроника, воевал с ним и рад был купить союз с Византией, поженив дочь и василевса. Сербские земли по левому берегу Дуная (долина Моравы) передавались Византии вместе с рукой царской невесты.

Поражение ромеев от Маргарита и свадьба Маргариты произошли почти одновременно. Но проклиная имя первого, мало кто из вдов и царедворцев знал тогда, что не только имя «Маргарит», но и «Маргарита»¹ скоро станет усердно склонять многоголосая многоязычная брань. Свадьба, как известно, дело дорогостоящее и хлопотное. А уж царская – и подавно. Это свадьба простых людей может закончиться пожаром или банальной дракой, горящей кровлей и выбитыми зубами. Но чтобы свадьба спровоцировала тяжёлую войну и отделение части государства... Тут надо было очень постараться и обременить расходами на свадьбу слишком многих людей. Ведь Исаак II, и без того неправдоподобно расточительный, решил гулять с дважды императорским размахом и даже ввёл по всей империи тяжёлый свадебный налог. Справедливости ради нужно сказать, что кроме Маргариты в нём «виноват» был и Маргарит: деньги нужны были не толь-

¹ Маргарита Венгерская приняла православие и новое имя Мария Ангел.

ко для битвы за свадебным столом, но и для покрытия расходов на войну с норманнами.

Историки до сих пор не сошлись во мнении относительно того, предшествовал сбор этого налога народному восстанию 26 октября 1185 г. в Северо-Восточной Болгарии, или происходил одновременно с ним. В историографии на этот счёт представлены разные мнения. Так, Ф. И. Успенский в своей известной монографии «Образование Второго Болгарского царства» писал: «Непосредственные обстоятельства как вызвавшие, так и поддерживавшие болгарское движение, кроются в общем строе империи того времени и в перемене династии». Тем самым он отверг распространённый тезис о том, что выступление было спровоцировано византийско-венгерским брачным союзом и ростом налогов на царские свадебные торжества. По мнению учёного, волнения в Болгарии предшествовали заключению династического брака, а не стали результатом такового.

И всё же в вопросе о времени и поводах к восстанию, по сути, сохраняется традиция, заданная ещё К. Иречком, который считал, что венгерско-византийский союз «был непосредственной причиной нового болгарского восстания». Мысль о том, что «корыстолюбие византийцев было причиной восстания», подчёркивал и В. В. Макушев. Этой же точки зрения придерживался и Г. Г. Литаврин, полагавший, что слой лиц, подвергшихся византийскому свадебному побору в Болгарии, «был гораздо более широким, чем это принято считать», в связи с чем восстание началось не в одном, а сразу в нескольких местах.

Мы также склонны считать, что поводом к восстанию в Болгарии были новые налоги, введённые для оплаты свадебных торжеств. Логика доказательств предельно проста: налог во славу молодожёнов предполагал дополнительное обложение на владение скотом. Всё что ржало, мычало, блеяло и щедро делилось раньше с хозяевами мясом, шерстью, молоком становилось теперь настоящим бременем, потому что так решили в Константинополе. А поскольку местность к северо-востоку от гор Стара-Планины была главным центром скотоводства империи, жители этой части исторической Болгарии должны были платить теперь гораздо большие налоги, чем жители других регионов.

Альтернативой разорению был мятеж!

Налоги поначалу вызвали стихийные выступления населения восточных горных районов Стара-Планины. Ими решили воспользоваться потомки прежних болгарских царей, знатные боляре Фёдор и Асень. Будем откровенны: вряд ли их душил за горло незримый питон патриотизма; скорее их сердца нещадно терзала ядовитая кобра жадности. Братья банально разобиделись на императора, поскольку во время личной встречи с ним в военном

лагере у Кипселлы не смогли выклянчить у него право на пронию, а значит и на сбор налогов в болгарских землях. Золото пошло мимо их сундуков! Как тут не вспомнишь о славных предках, слушая родные крики болгарских скотоводов о «кровопийцах проклятых» из царского дворца? Кому свадьба и доходы от налогов, а кому унижительный отказ в праве замереть в восторге от прикосновения к чарующему, будто лик невесты, аверсу червонцев!

Так Фёдор и Асень стали большими патриотами. Острые как приступ аппендицита колики любви к Родине, платившей теперь деньги *кому-то*, но не им, заставил их мгновенно придумать *схему*. На Дмитриев день, который считается началом болгарского восстания, а именно 26 октября 1185 г. братья торжественно присутствовали в Тырново на освящении церкви Св. Дмитрия. И среди большой толпы верующих агенты Фёдора и Асения пустили слух о том, что норманны захватили Фессалоники именно потому, что Св. Дмитрий не стал охранять этот город, не стал помогать греческому царю. Верующим показали икону Св. Дмитрия, которая, как объявили им, чудесным образом появилась в освящаемой церкви. Она стала безмолвным призывом болгар к освобождению от жадности императора. А безмолвный призыв иконы перевели и тут же разъяснили на народный язык: беритесь за оружие, идите к свободе! В том числе к церковной... Тут же на месте болгарский монах Василий был рукоположен в сан архиепископа, и в этом качестве он провозгласил царём болгар и греков старшего из братьев Фёдора под именем Петра IV (1185–1197 гг.)¹.

¹ Никита Хониат так описывает начало восстания в Болгарии: «Валахи сначала медлили и не решались на восстание, к которому подстрекали их Петр и Асан, опасаясь неверности такого важного предприятия. Желая излечить своих земляков от явной трусости, родные братья построили молитвенный дом во имя всехвального мученика Димитрия и, собрав в него множество всякого рода бесноватых с налитыми кровью и изворачивающимися глазами, с распущенными волосами и вообще со всеми признаками людей, одержимых демонами, внушили им говорить в иступлении, будто Бог благоволил даровать болгарам и валахам свободу, определив свержение с них долговременного ига, и будто бы с этою целью мученик Христов Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более жить с римлянами и пришел к ним, чтобы быть им помощником и сотрудником в их деле. Давши себе после того небольшой отдых и вдруг еще более собравшись с духом, эти сумасшедшие, как бы в новом припадке падучей болезни, начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным и пронзительным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута взять в руки оружие и дружно идти на римлян, — когда же во время войны будут попадаться пленники, то ни под каким условием не должно оставлять никого в живых, но губить и разить беспощадно, не освобождать за выкуп, не склоняться на мольбы, не внимать коленопреклонным прошениям, не смягчаться ничем, подобно несокрушимо-твердому алмазу, но убивать решительно всех пленных без исключения. Быв одушевлен такого рода прорицаниями, весь народ вооружился поголовно, и так как с самого начала дела мятежников пошли успешно, то они еще более уверились, что Бог посылает им свободу. Не довольствуясь собственным возмущением и отторжением, они рассыпались даже по отдаленным от Эма пригородам и селениям. Один из братьев, Петр, возложил на голову золотой венец и надел красные сандалиии».

Эти меры должны были придать войне против Исаака законный характер, показать преемственность новой власти с Первым Болгарским царством, разгромленным византийцами, и вызвать неистовый религиозный энтузиазм: Фёдор-Пётр воспринимался теперь как продолжатель дела болгарского царя-святого X в. Петра I. Он основал новую династию Асеней, а Тырново сделали не только центром восстания, но и новой столицей Второго Болгарского царства.

Восстание болгар стало их свадебным подарком императору.

Впрочем, только ли болгар?

Вопрос об этническом составе восставших представляет такое же поле для научных дискуссий, как и вопрос о том, что же именно стало поводом к восстанию, повлекшему за собой создание Второго Болгарского царства и ослабление Византийской империи. Особенно активно Асеням помогали половцы и валахи. Ф. И. Успенский именно за половцами и валахами признавал большое значение в восстании 1185 г.

Ход военных действий между ромеями и повстанцами, подробно описанный Никитой Хониатом, подтверждает мысль Ф. И. Успенского о том, что бездарный в военном отношении император Исаак Ангел «целым рядом своих ошибок и неблагоразумных мероприятий способствовал развитию славянского движения». Действительно, у Исаака II был реальный шанс подавить выступление, которое поначалу, казалось, ничем не отличалось от банальных сепаратистских мятежей в других регионах империи. За 170 лет византийского владычества Болгария в значительной степени была эллинизирована и, как хотелось того константинопольским царедворцам, навсегда забыла грозные времена воинственного Аспаруха, Крума, Бориса, Симеона... Болгарский лев виделся с высоты византийского трона прирученным, беззубым, со сточенными когтями, с остриженной гривой и уж конечно под греческим седлом.

Хотя болгарское восстание охватило к весне 1186 г. значительную территорию, поход Петра и Асеня на древнюю болгарскую столицу Преслав окончился для них поражением. Но Исаак II, прорвавшись с армией на Север Болгарии и почти подавив очаги восстания, повёл себя крайне легкомысленно. Он посчитал всё совершенное им полной победой и поспешил вернуться с фронта к юной Маргарите вместо того, чтобы «зачистить» мятежный регион. По этому поводу Никита Хониат с недоумением написал так: «К сожалению, царь, при совершенном отсутствии всякого сопротивления имевши возможность обойти всю Мизию и поставить гарнизоны в тамошних городах, из которых многие лежат по протяжению Эма и большая часть которых, или даже все почти, построены на крутых скалах и облачной высоте, не сделал ничего подобного, но, предавши огню хлеб-

ные скирды и польстившись на притворное раскаяние явившихся к нему валахов, немедленно поворотил в обратный путь, оставив тамошние дела еще далеко не разрешенными; так что он только возбудил в варварах еще большее презрение к римлянам и еще более их одушевил».

Такой манёвр императора летом 1186 г. стал приятной неожиданностью для его бывших подданных: болгары, валахи и половцы смогли сконцентрировать свои силы, а Пётр IV – расширить географию своей власти. Летний «подарок» императора явно превышал все те доходы и преференции, которые просил у него болгарский царь год назад. Самое время было опомниться и Исааку. Прозрение пришло слишком поздно. К весне 1187 г., когда ромеи решили снова вернуться в Болгарию, вооружённое сопротивление повстанцев оказалось более организованным и упорным, чем в прошлом году. И хотя горы Стара-Планины расступились перед армией императора, противостоявшие ей отряды не пропустили ромеев дальше города Ловеч. Три месяца осады не сломали ни стен, ни духа обороняющихся «мизийцев», как называл их Никита Хониат.

Исаак II Ангел понял, что проиграл. Вместо крови брызнули чернила, вместо шеренг строя застыл сургуч: в древней ещё римской крепости Диаклетианополь (также Топлица, позднее Хисаря) был заключён византийско-болгарский договор, по которому Болгария восстанавливала независимость. Почти одновременно с ними войну против Византии за своё освобождение продолжили сербы. В союзе с венграми великий жупан Рашки Стефан Неманя взял под контроль долину Моравы и повёл войска на Дуклю. Его правление и завоевания подарили сербам первую большую национальную державу эпохи Средневековья.

Маргарита и Маргариту, так сильно повлиявших на эти события, первый – своими победами, вторая – своей свадьбой, уже никто не вспоминал...

5. Балканский хребет Империи: вывих или перелом?

Итак, Империя полностью проиграла этот щедрый на события 1187 год. Если применять к истории анатомические термины, то поражение в Болгарии изрядно навредило её позвоночнику, в нашем случае – её «*Балканскому хребту*». Можно спорить лишь о том, был ли то *вывих* позвоночника, или его почти неизлечимый *перелом*, но и в том и в другом случае империя, отброшенная к инвалидному трону, уже не могла делать прежние размашистые шаги. Она уменьшилась в размерах, как инвалид, который воссеив на стул, становится существенно ниже ростом.

Этот 1187 год поразил империю ещё двумя событиями, каждое из которых, хотя и в разной степени, угрожало ей. Блестящий ромейский полко-

водец Алексей Врана, победитель венгров, никейцев и самая большая надежда на усмирение болгар поднял мятеж против Исаака II. Играя словами и рифмой, можно сказать так: Врана – империи рана! Глубокая и опасная, учитывая обстоятельства, при которых Врана восстал. Личная ненависть к нынешнему императору и родство через жену с прежним императором Мануилом дают нам дополнительные, но, безусловно, не основные сведения, позволяющие понять, почему он сам провозгласил себя императором в родном Адрианополе. Его войска, прошедшие горнило болгарской кампании, готовы были выступить за ним куда угодно.

Алексею угодно было туда, где и подобало пребывать императору. То есть в Константинополь! Войска послушно последовали за ним. Гражданская война показывала всё более хищный оскал, в котором, казалось, неизменно должен был погибнуть царь-неудачник Исаак.

Бои шли уже на подступах к столице¹. Алексей Врана рвался в город. Исаак II, обладавший большим талантом рушить всё, к чему прикасался, доверил защиту столицы своему шуруну, маркграфу Конраду Монферратскому, который находился тогода на византийской службе, хотя родной брат его и погиб во время латинского погрома в 1182 г.

Алексей Врана и Конрад Монферратский, безусловно, были тогда лучшими полководцами в Империи ромеев. Но в бою из двух лучших пред-

¹ В описании Никиты Хониата это выглядит так: «А Врана давно уже задумал о царской власти, – именно тогда еще, когда вел войну с латинянами; так что однажды в то время, прибежав ночью в святилище храма, даже покушался возбудить народ к восстанию. Не успев тогда в своих замыслах, он заключил с царем мир, но не перестал питать прежнего намерения, подавляя до поры и сдерживая, как послушного коня, свое затаенное честолюбие. В настоящее время начальство над войсками пришлось для его замыслов так кстати, как оселок для острия, и, приняв его, он решился довести давно задуманное дело до конца. По совету своих многочисленных и могущественных соумышленников, – адрианопольских граждан, преданных ему по родству с ним, он надел красные сандалии, перешел с места военных действий в отечественный свой город – Адрианополь, и в заключение, быв уже провозглашен императором от всего войска, двинулся на столицу и расположился лагерем около так называемого внешнего Филопатрона. Вечером, в сопровождении прекрасно вооруженного отряда, Врана подъехал к стенам города, сидя на вороном коне с белым наподобие луны пятном на лбу, и обратился к царским войскам, занимавшим городские стены, и гражданам, любопытно наблюдавшим с высоты стен все происходившее, с речью в одно и то же время грозною и увещательною. Он обещал благодеяния всякому, кто перейдет на его сторону, и говорил, что если жители сами отворят ворота и примут его, то найдут в нем спасителя и благодетеля, – если же будут сопротивляться и противостоять ему, когда он хочет войти дверями и не желает проникнуть никаким другим путем, то, прошедши во всяком случае, как вор, и овладевши царскою властью, как разбойник, он неизбежно поступит с ними точно так же, как поступают со стадом овец дикие звери, рассевши пастухов и ворвавшись во двор овчий не дверьми, но другими путями. После этих и других не менее хвастливых слов он построил свой отряд в боевой порядок и возвратился в собственный лагерь. На следующий день, едва солнце озарило восток, Врана подступил уже к стенам города и построил войско против земляных ворот, называемых Харсиевыми...».

стояло победить только одному. Лёд взаимной ненависти и горячка сражения заставили их встретиться лицом к лицу. Кольчуга Конрада выдержала удар копья, который угодил ему под ребро, но это всё, что удалось сделать Вране. Конрад достиг большего – он сумел выбить Врану из седла, а его бойцы отсекали мятежнику голову.

Венец лишь чудом удержался на голове Исаака II. Но Конрад недолго дарил своё общество его радости: после победы над Враной в середине лета 1187 г. он отплыл с генуэзцами в Иерусалим. Июльский разгром иерусалимских крестоносцев в битве при Хаттине не оставлял сомнений в намерении султана Саладина осадить Иерусалим, а октябрьское падение этого главного оплота крестоносцев в Святой земле вряд ли облегчило положение Византии. Было ясно – предстоит новый крестовый поход. А как воспользуются им балканские враги Византии, через которую предстояло идти крестоносцам, зависело теперь от красноречия болгарских и сербских послов.

6. Немецкая ржавчина балканских гвоздей

Итак, правители балканских государств словно плотники – острым гвоздям, находили работу своим народам и армиям: пока ромейскими гвоздями пытались сбить ветхие доски протекающего имперского корабля болгарскими и сербскими гвоздями усердно заколачивали в гроб постылое византийское прошлое. Но среди этой шумной опасной работы уже звучал другой металл: из Германии в звоне подков и лязге кольчуг шёл в крестовый поход Фридрих I Барбаросса.

Его знаменитая *ржавая* борода была заметна издали: вот почему ещё до выступления немцев в крестовый поход к Фридриху в Нюрнберг потянулись сербские и болгарские переговорщики. Что они просили – очевидно: сделать свои проблемы проблемами германского императора! Но Барбароссе пока хватало и своих. В своё время Б. Куглер в «Истории крестовых походов» обращал внимание на то, на что указывали до него лишь немногие исследователи – известие о потере Иерусалима не просто свело в могилу римского папу Урбана III уже на третий день, после явления сумрачных гонцов. Это известие и эта смерть, по словам немецкого историка, помешали папе отлучить Фридриха Барбароссу от Церкви¹. Не было счастья – да несчастье помогло! Это мы, конечно, рассуждаем о Барбароссе и захвате Иерусалима Саладином. Смерть Урбана III в Ферраре, безусловно, позволила императору остаться в лоне Церкви и принять

¹ Впрочем, некоторые исследователи считают, что известие о взятии Иерусалима (2 октября 1187 г.) пришло в Италию уже после смерти Урбана III (20 октября 1187 г.).

крест. А балканским правителям – напряжённо ждать его приближения к своим новым границам, за изменениями которых вряд ли успели даже педантичные немецкие картографы.

Ржавая борода Фридриха целилась не только в карты, но и в календарь. Он умышленно начал поход 23 апреля 1189 г., то есть в день Святого Георгия Победоносца. Сорочий треск балканских послов не помешал Барбароссе сосредоточиться на главном и отправить своё посольство к Саладину, чтобы дерзко потребовать от него освободить Иерусалим и вернуть Древо Истинного Животворящего Креста.

Пока другие кресты, вышитые на одеждах немецких рыцарей, наполняли сердца сербов надеждой, Стефан Неманя оказывал им в своей земле всяческое гостеприимство. Сербский правитель азартно подбивал короля-католика обнажить меч против своих православных единоверцев. Встречая Фридриха в Нише, Неманя не скупился на богатые дары, ожидая от Рыжей Бороды только одного – союза.

Немцы в Сербии не отказывали себе ни в чём, кроме союза с Неманей. Барбаросса пока не собирался ломать своих планов и размениваться на мелочи, если целью похода был Иерусалим! Грехи императора, многочисленные, как и его воинство, должны были погибнуть вместе с этим воинством где-нибудь на Храмовой горе Иерусалима, но никак не на новорождённом византийско-сербском кордоне. Однако отказ не смутил сербов: они то плелись в хвосте за немецким обозом, выжидая благоприятного случая для нападения на византийцев, то, не прикрытые повозками крестоносцев, сами выбирали маршрут своих боёв. Поскольку Византия ещё владела частью современной юго-восточной Сербии и западной Болгарии, Неманя силой оружия исправлял такую несправедливость географии и, надо отдать ему должное, сумел захватить многие из этих земель. Теперь уже весь север Балканского полуострова был потерян Империей. Греки массово изгонялись с занятых сербами территорий. Эти беженцы наполняли Константинополь стенаниями и плачем, вызывая к отмщению. Исаак II, как следовало из криков обездоленных подданных, должен был проявить твёрдость и с сербами, и с немцами, и это был тот редкий случай, когда желание царя не увильнуло в сторону от общественного мнения.

Хотите твёрдости? Получите! Однако за «твёрдость» василевса, чуждую азам дипломатии, пришлось, как всегда, расплачиваться обычным его подданным. Исаак требовал от Барбароссы заложников для соблюдения условий будущего договора, по которому ему в ещё не отвоёванной немцами Святой Земле должна была отойти часть территорий. Василевс даже бросил в темницу всех прибывших к нему немецких послов. Теперь о продолжении переговоров с крестоносцами не могло быть и речи. Фридрих

позволил теперь говорить не послам, а мечам, и те, в союзе с огнём, в целом справились со своей работой. Тактика «выжженной земли», активно применяемая Барбароссой ещё в Италии, позволила немцам овладеть Адрианополем. Погода тоже была с ним в союзе, хотя и стоял ноябрь. До Константинополя было рукой подать и это наконец-то втолковали Исааку.

Мечтал ли Барбаросса во время крестового похода о захвате ослабевшей Византии? Наверняка. Эту точку зрения, например, резонно разделяет С. Б. Сорочан, указывая на настоящую панику, которая охватила Исаака и Константинополь. Б. Куглер, живописуя настроения в византийской столице, писал о слухах, проникших в немецкий лагерь: будто константинопольский патриарх объявил в соборе, что грек, убивший сто или даже десять крестоносцев получит полное отпущение грехов.

В январе 1190 г. сторонам пришлось возобновить переговоры. Компромисс был достигнут. Чтобы греки не спасли души, убивая его воинов, а Исаак спал на кровати, а не под ней Барбаросса согласился обойти Константинополь на своём пути в Малую Азию. По соглашению ромеи переправили немцев через пролив, снабжали их всем необходимым по символической цене и даже передали им в качестве заложников 18 царских родственников. Правда, вряд ли такого человека, как Исаак, всерьёз тревожила их дальнейшая участь. Но и Фридриху пришлось стиснуть то, что осталось от его зубов: из высокомерного обращения Исаака Барбаросса с обидой узнал, что никакой он не император Священной Римской империи, а всего лишь король, потому что императором может быть лишь один человек – василевс ромеев.

Б. Куглер считал, что во время перехода в Малой Азии немцы ели мясо павших животных, пили их кровь, высасывали влагу из травы. Это даёт нам представление о мнениях немецких учёных насчёт соблюдения греками недавнего договора. Вряд ли всё было только так и никак иначе, но явно не от обжорства и не от голода Фридрих утонул в горной речке Салеф, куда, очертя голову, полез однажды в конце дневного перехода.

Смерть Фридриха развязала Исааку руки. Византийские армии ринулись отвоёвывать те земли, которыми владели теперь ненавистные им подстрекатели Барбароссы – сербы и болгары. Сербам перепало заметно больше ярости врага – они были разбиты ромеями в 1190 г. в битве на реке Мораве, но сохранили за собой по договору часть прежних византийских земель. Взаимную ненависть должен был сдерживать и династический брак: сын Стефана Немани Стефан женился на племяннице Исаака Евдокии. Брак этот оказался недолгим и распался по политическим причинам – Сербия чем дальше тем больше смотрела не на Константинополь, а на Запад и Рим.

На болгарском театре войны всё складывалось для ромеев куда хуже. Они не сумели взять столицу Второго Болгарского царства Велико-Тырново. Во время отступления императорское войско попало в засаду в Тревненском горном проходе, и Исаак II бежал по трупам своих воинов – настолько велики были его потери.

7. Слепая ненависть к врагу

Третий крестовый поход усложнил и без того тяжёлое положение Византии. Ромеи окончательно потеряли даже Кипр, захваченный во время Третьего крестового похода Ричардом I Львиное Сердце и Филиппом II Августом у сепаратистски настроенного самопровозглашённого «императора» Исаака Кипрского. Попытки ромеев отбить его были вялыми и безуспешными. И неудивительно: не внешние враги, а сама Византия «талантливо» загубила и распродала свой некогда могущественный флот. Исаак посчитал содержание прежнего флота непозволительной роскошью, а его царедворцы наживы ради расправлялись с кораблями, словно с врагом. Моря империи, как и бороздящие их корабли, принадлежали теперь по большей части венецианцам.

Как раз в 1192 г. дожем Венеции становится Энрике Дандоло. Он ненавидел Византию *слепой* ненавистью и делал это в прямом смысле слова! По наиболее вероятной версии он был ослеплён по приказу Мануила I ещё в 1171 г. когда прибыл с посольством в Константинополь. Именно этому самому Энрике Дандоло через 12 лет после обретения титула дожа удалось организовать захват Константинополя и разгром Византии¹. Его *слепая* ненависть к империи ромеев уже строила колоритные планы мщения, но ждала, пока новая власть во Влахернском дворце обогатит венецианцев растущими торговыми привилегиями, которые продолжали разорять торговлю самих византийцев.

Бездарное правление Исаака II Ангела завершилось в 1195 г. И завершилось в уже привычном византийском духе, по-братски: Исаака сверг

¹ Никита Хониат писал по этому поводу : «К крайнему нашему бедствию дожем Венеции в это время был Генрих Дандуло, – правда, человек уже слепой и преклонный старик, но в высшей степени вооруженный и озлобленный против римлян. Отличаясь беспримерным пройдохством, гордясь умом и сгорая безумною жаждою славы, он не хотел умереть, – и был как будто недоступен смерти, – до тех пор, пока не отомстит римлянам за все обиды, нанесенные ими его народу. Постоянно он взвешивал и пересчитывал в уме, сколько зла причинили венецианам царствовавшие братья Ангелы, и еще прежде их – Андроник, и еще прежде Андроника – Мануил в продолжение своего управления римскою империею. Но так как он знал, что не снесет своей головы, если пойдет против римлян с одними своими силами, то высматривал союзников и входил в тайные сношения с теми народами, о которых знал, что они питают непримиримую ненависть к римлянам и смотрят с завистью и жадностью на их богатства».

с престола его старший брат Алексей. Он стал править под именем Алексея III (1195–1203 гг.). При этом Исаака не убили, а ослепили. То есть одной вспышкой *слепой ненависти* к врагу теперь стало больше.

Никита Хониат не жалел чёрных красок своей палитры для изображения правления этих братьев: «В самом деле, чья душа в состоянии остаться не потрясенною при воспоминании о тех страшных бедствиях, которые поразили самый Царьград в царствование этих земных Ангелов? Я желал бы изложить вполне все ужасы и всю невообразимую жестокость этих бедствий, но так как это невозможно, то опишу их вкратке, надеясь, что самая краткость рассказа, может быть, принесет пользу нашим потомкам, — смягчит нашу горькую повесть и вследствие того умерит их безотрадную печаль... Братья Ангелы, как уже было нами показано, во многих отношениях недобросовестно пользовались властью; но особенно они страдали корыстолюбием, не опуская случаев извлекать деньги даже из несправедливых источников, и притом не берегли собираемых богатств, но сыпали их обеими руками на пышную придворную обстановку и драгоценные костюмы, более же всего разорялись на любовниц и на родню, совершенно бесполезную в делах общественного управления. Таким образом они не только притесняли и опустошали римские города, налагая на них новые, небывалые подати; но, сколько представлялось возможности, обирали и латинян. Между прочим, нарушая мирные договоры с Венецией, они часто налагали на венециан разные денежные поборы, брали с их кораблей контрибуции и ссорили их с пизанцами; так что нередко можно было видеть, как среди самого Константинополя, или в открытом море, граждане обеих республик схватывались между собою в отчаянной битве, попеременно побеждали, или были побеждаемы, и вследствие того грабили своих соперников, или подвергались их грабежу».

Напомним ещё раз: это говорит очевидец тех событий, православный ромей и патриот своей страны.

«Такого позора Ромейская империя ещё не знала», — авторитетно отмечает С. Б. Сорочан, указывая при этом, что в «охваченной разложением, разваливающейся Империи» и до 1195 г. и после него правили «Никуда не годные императоры из новой династии Ангелов»...

В этом отношении один брат был ничем не одареннее другого — провальный курс византийского двора продолжался. При этом на содержание этого двора тратились колоссальные средства, Алексей III купался в роскоши, росли налоги, множилась коррупция, а, чтобы добыть для нужд двора серебро и золото оскверняли даже захоронения прежних императоров.

Почти зеркальным ответом Константинополю стало всё то, что творилось в это время по ту сторону византийско-болгарской границы. Растущее могущество Второго Болгарского царства усилило борьбу за престол в царствующей династии Асений. Вместо Петра IV, которого по-родственному отстранили от власти за попытки вести непопулярные переговоры с Исааком II с 1193 г. стал единолично править его младший брат-соправитель Иван Асень I (1187–1196 гг.). Он боролся против своеволия знати, устанавливая единоличную власть.

В 1196 г. Иван Асень I был убит в результате заговора младшего брата Иваницы (Калояна), а через год в результате такого же заговора этот грешный мир навсёгда померк и в глазах Петра IV. Царём стал Иваница-Калоян (1197–1207 гг.) – непримиримый враг Византии. В своей слепой ненависти к Империи ромеев, куда старшие братья отправили его ещё в 1187 г. в качестве заложника, он готов был пойти на всё.

8. «Уж полночь близится...»

1199 год. На песочных часах Двенадцатого века почти иссяк напор падающей струи времени. Именно этот год Калоян и решил избрать началом своей беспощадной войны с греками. Вместе с союзными ему половцами, Калоян вторгся в пределы всего того, что осталось от Византии, и вёл войну против неё так изуверски, что вскоре заслужил прозвище Ромеебойца. Впереди были и союз и война с крестоносцами, впереди было и соглашение с папой Иннокентием III, организовавшим роковой для Византии Четвёртый крестовый поход (1202–1204 гг.). Понтификат самого Иннокентия III (1198–1216 гг.) только начался, но уже, выполняя волю новоизбранного первосвященника, проповедники в разных концах Европы стали проповедовать очередной поход на Восток. Иннокентий III, всеми силами выкорчёвывший ересь на Западе, не был и не мог быть другом «схизматиков» Ромейской империи.

Понимала ли это византийская дипломатия? Наверняка. А понимали это те, кто жаждал видеть Алексея III мёртвым или ослеплённым?

И снова послушаем Никиту Хониата, который писал о свергнутом и заключённом в тюрьме Исааке так: «Таким образом, всякий желающий имел свободный доступ к Исааку, и, между прочим, ходили к нему особенно латиняне. С ними он держал тайные совещания о том, как бы отплатить за обиды и низвергнуть Алексея, – посылал письма к дочери своей Ирине, супруге Филиппа, тогдашнего правителя алеманов, с мольбою, чтобы она заступилась за отца, и в свою очередь сам получал оттуда ответы с наставлениями о том, как поступать». В скором времени из заключения бе-

жит его сын Алексей и, на погибель Византи заключит с крестоносцами договор, который принесёт его Родине больше вреда, чем всё правление Ангелов.

...В 1200 году союзники болгар половцы появились уже под стенами Константинополя. Лишь с трудом ромеям удалось тогда отбиться.

Наступал новый, и для империи – во всех смыслах слова *Тринадцатый* век...

ЛИТЕРАТУРА

- Балакин В. Д. Фридрих Барбаросса. М., 2001.
- Бибииков М. В. Историческая литература Византии. СПб., 1998.
- Васильев А. А. История Византийской Империи. М., 2000. Т. 2. Время от крестовых походов до падения Константинополя (1081–1453 г.)
- Войтович Л., Домановський А., Козак Н., Лильо І, Мельник М., Сорочан С., Файда О. Історія Візантії. Вступ до візантиністики / За ред. С. Б. Сорочана і Л. В. Войтовича. Львів, 2011.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005.
- Грант М. Римские императоры. М., 1998.
- Дашков С. Б. Императоры Византии. М., 1997.
- Домановский А. Всемирная история. Крестовые походы. Харьков, 2019.
- Домановский А. Н. Загадки истории. Византия. Харьков, 2016.
- Диль Ш. История Византийской империи. М., 1948.
- Диль Ш. Византийские портреты. М., 1994.
- Зінченко А. Л. Історія дипломатії: від давнини до Нового часу. К., 2005.
- Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов (1118–1180) / Перевод под редакцией профессора В. Н. Карпова. СПб., 1859.
- Иречек К. История болгар / Пер. Ф. К. Бруна и В. Н. Палаузова. Одесса, 1878.
- Історія західних і південних слов'ян : з давніх часів до ХХ ст.: Навч. посіб. для студ. іст. спец. вищих навч. закл. / Яровий В. І., Ілюшин І. І., Лиман С. І. Рудяков П. М. ; За ред. В. І. Ярового. К., 2003.
- Історія міжнародних відносин (від Стародавнього світу до початку ХХ ст.): Навч. посіб. / Я. Б. Турчин, Р. Б. Демчишак, Т. І. Плазова. Львів, 2013.
- Каждан А. П. Никита Хониат и его время. СПб., 2005.
- Лиман С. И. История Второго Болгарского царства в трудах исследователей Украины (1835–1885) // Дриновський збірник. Харків; Софія, 2007. Т. 1. С. 96–103.
- Литаврин Г. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018–1185 гг. // ВВ. 1956. Т. 10. С. 81–110.
- Литаврин Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
- Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
- Любарский Я. Н. Мануил I глазами Киннама и Хониата // ВВ. 2005. Т. 64 (89). С. 99–109.

- Макушев В. В.* Болгария в конце XII и первой половине XIII в. // Варшавские университетские известия. 1872. № 3. С. 1–66.
- Никиты Хониата* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Режим доступа : <https://librebook.me/istoriia/vol1/1>
- Овсяный Н. Р.* Болгария. М., 2002.
- Оплъ Ф.* Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. Ермаченко И. О., Некрасова М. Ю. СПб., 2010.
- Пако М.* Фридрих Барбаросса. Ростов-на-Дону, 1998.
- Потёмкин В. П.* История дипломатии. М., 2015. Т. 1. С древнейших времён до Нового времени.
- Сорочан С. Б.* Византия. Парадигмы быта, сознания и культуры: Учебное пособие. Харьков, 2011.
- Сюзюмов М. Я.* Внутренняя политика Андроника Комнина и разгром пригородов Константинополя в 1187 году // ВВ. 1957. Т. 12.
- Успенский Ф. И.* Цари Алексей II и Андроник Комнины (1180–1185) / Ф. И. Успенский // ЖМНП. 1880. № 11. С. 95–130.
- Успенский Ф. И.* Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
- Успенский Ф. И.* История Византийской империи: в 8 т. М., 2018. Т. 1.
- Хэлдон Д.* История византийских войн / Пер. с англ. М. А. Карпунина, С. С. Луговского. М., 2007.
- Шейнэ Ж.-К.* История Византии. М., 2006.
- Юревич О.* Андроник I Комнин. СПб., 2004.